

An elderly woman with short, wavy white hair and round glasses is the central figure. She is wearing a thick, brown, textured knitted sweater over a dark green top. She is smiling gently at the camera. The background is a cozy room decorated for Christmas, with bookshelves filled with books and garlands of warm white lights and orange ornaments. A window with a view of trees is visible behind her. In the foreground, a large pile of bright orange oranges is spread out on a patterned tablecloth.

Кукуша Кукуша

Круг (Кукуша #1)

Кукуша Кукуша

Круг (Кукуша #1)

<https://litres.ru/74019374>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кукуша — это не паспортное имя. В зачётке она Аглая Ветрова, философский факультет МГУ. Но друзья зовут её Кукушкой — за привычку вылетать из комнаты с криком «сейчас буду всех счастливыми делать!».

Она верит, что любовь живёт в мандаринах, а собранность по Соловьёву достигается через гирлянду и пирожки. Однажды Кукуша устраивает во дворе общежития Круг всеобщего единения. С мандаринами, объятиями и риском для психики окружающих.

В её круге оказываются сварливый пенсионер дядя Гриша, библиотекарь баба Зина с котом-террористом, начальник ЖЭКа с ленинскими значками, уставшая мать-одиночка и две скупающие студентки.

Сработает ли философия там, где не работают слова? Спасёт ли мир красота — или хотя бы мандарины? И можно ли сделать счастливыми тех, кто разучился улыбаться?

«Мандариновый хаос Кукуши» — добрая повесть о том, что чудачки — единственные, кто пытается сделать мир лучше. Умные

анализируют, почему это невозможно. А чудаки берут и делают.
И иногда у них получается.

Кукуша Кукуша

Круг (Кукуша #1)

Пролог. Имя, которое никто не выбирал

Кукуша — это, разумеется, не паспортное имя. В зачётке значится: Аглая Сергеевна Ветрова, четвёртый курс философского факультета МГУ. Специализация: экзистенциализм и русская религиозная философия конца XIX – начала XX века. Её курсовая — «Концепция соборности у В. С. Соловьёва и её проекция на микро-социум» — получила похвалу от самого профессора Кротова, человека желчного и скупого на «отлично».

Профессор Кротов славился тем, что его «отлично» за всю карьеру получили только три человека. Одним из них была Аглая Ветрова. Вторым — какой-то гений, ушедший в монахи. Третьим — сам профессор Кротов в молодости, но это он не подтверждал и не отрицал. В кулуарах факультета ходили слухи, что «отлично» Кротова — это диагноз, а не оценка. Оно означало: «Ты мыслишь настолько странно, что я не могу это игнорировать». Кукуша носила эту похвалу как орден.

«Аглая» в переводе с греческого — «блестящая», «сияющая». Когда Кукуша впервые узнала об этом, она долго смотрела в зеркало в коридоре общежития, пытаясь разглядеть сияние. Тогда ей было семнадцать, и она только приехала

из маленького городка под Рязанью, где её все звали просто «Аля» или «чудачка». Сияния она не нашла — зато нашла мандарины в ближайшем ларьке и решила, что это и есть её истинная природа: кисло-сладкая, яркая, с запахом зимы и праздника.

С тех пор мандарины стали её топливом, её символом веры и, как позже скажет дядя Гриша, «поводом для кругосветного путешествия на одну стипендию». Она даже написала эссе для факультетской газеты: «Мандарин как Dasein: феноменология присутствия в одном фрукте». Эссе не напечатали — редактор сказал: «Ветрова, вы гений, но мы не можем опубликовать текст, где слово “кожура” встречается 47 раз».

В её комнате общежития на Юго-Западе, помимо мандариновых корок (она никогда их не выбрасывала — «они хранят эфир воспоминаний, а ещё их можно добавить в чай для медитативного эффекта»), лежат: зачитанный до дыр сборник Бродского, «Чевенгур» Платонова с карандашными пометками на каждой странице (иногда пометки противоречат друг другу — потому что Кукуша перечитывает книгу каждый семестр и каждый раз меняет мнение), «Generation „П“» Пелевина (она считает, что это классика XXI века, и готова спорить об этом до хрипоты, особенно в состоянии после двух чашек кофе), а на полке — полное собрание сочинений Шостаковича в аудиозаписях, скачанное с торрента в ту ночь, когда она не спала из-за курсовой по феноменологии.

В наушниках у неё часто играет Бах («орган — это голос Бога, который разговаривает сам с собой, но иногда перебивает Самого Себя, потому что у Бога тоже есть настроение, а ещё потому, что органные трубы — это такие же сложные штуки, как человеческие души»), а если грустно — Альбенис («испанская тоска слаще русской, потому что в ней есть гитара и надежда, что когда-нибудь будет солнце, а ещё в ней нет водки, а значит, тоска — честная, неразбавленная»). По утрам она иногда включает Шопена — чтобы проснуться. Но Шопен навевает ей сны наяву, и она рискует опоздать на первую пару. Поэтому чаще всего она просыпается под звук будильника и мат дяди Гриши за окном. Будильник у неё — не мелодия, а запись лекции Кротова о «Бытии и времени». Кротов говорит: «Забота, забота, забота...» — и Кукуша подскакивает, как ужаленная. Потому что даже во сне она не может игнорировать профессора.

При этом Аглая Ветрова твёрдо верит, что вселенская любовь живёт в мандаринах, а пространство — в объятиях. Соседи по общежитию зовут её Кукушкой. Потому что иногда она вылетает из комнаты растрёпанная, кричит «сейчас буду всех счастливыми делать!» и раздаёт фрукты. И потому что так же неожиданно может замолчать, нахохлиться и уйти читать Хайдеггера в позе эмбриона, свернувшись калачиком на продавленном диване, и не выходить оттуда два часа, а потом выйти с красными глазами и сказать: «Хайдеггер — тяжёлый человек. Но справедливый». Настя, её соседка, проверяла —

Кукуша действительно плачет над Хайдеггером. Не от жалости. От восторга. «Он понял, — шепчет она, — он понял, что мир — это не вещи, а события. А я — событие. И ты — событие. И даже этот стул — событие. Только стул об этом не знает».

В коридоре общежития висит объявление, написанное её рукой фиолетовым маркером: «Внимание! Сегодня в 19:00 в комнате 407 — философский кружок. Тема: "Счастье как категория бытия и мандарин". Приносите фрукты и хорошее настроение. Кто придёт без улыбки — будет угощать всех чаем». Соседи смеются, но иногда заходят. Даже комендантша тётя Люба, которая не верит ни в Бога, ни в Шостаковича, ни в Пелевина, как-то принесла печенье и сказала: «Ты, Кукушка, дура, но дура добрая. Это редкость. В наше время дураки чаще всего злые». Кукуша тогда долго думала над этой фразой и пришла к выводу, что тётя Люба — тайный экзистенциалист. «Она говорит “дура”, — объясняла Кукуша Насте, — но имеет в виду “подлинное бытие”. Просто у неё словарный запас другой».

Глава 1. Утро, которое началось с мата и закончилось планом

В то утро Кукуша проснулась от того, что за окном кто-то громко и безнадёжно ругался матом. Сосед снизу, дядя Гриша, пытался припарковать свой «Запорожец» цвета выцветшей ржавчины между бетонной клумбой и фонарём — и проигрывал. Уже в седьмой раз. Кукуша знала, что седь-

мой, потому что она проснулась от первого и с тех пор считала. Каждый раз дядя Гриша выходил из машины, обходил её, чесал затылок, снова садился — и сдавал назад. Клумба оставалась невредимой, фонарь тоже, но «Запорожец» каждый раз оказывался в трёх сантиметрах от идеала.

Счёт матюков перевалил за тридцать. Кукуша, которая не спала, а лежала с открытыми глазами и размышляла о том, можно ли считать парковку формой Dasein — присутствия в мире, — насчитала двадцать три уникальных ругательства и два авторских неологизма, которые дядя Гриша, видимо, изобрёл на месте, в приступе творческой ярости. Одно из них — «мандаринно-хреновая ось симметрии» — ей особенно понравилось. Она записала его в телефон, в заметку «Народное философское».

В комнате было холодно. Батареи в общежитии включали по графику, а график, кажется, составлял тот же дядя Гриша, только в плохом настроении. Кукуша натянула на себя плед, в котором запуталась с ног до головы, и проковыляла к окну. На ней была растянутая футболка с коалой, держащей сердечко (подарок Насти на день рождения — «потому что ты такая же милая и беспомощная, как коала, и так же любишь эвкалипт, то есть мандарины»), и вязаные носки без пары (второй ушёл под диван ещё в прошлом месяце, и Кукуша решила, что это «жертва быту», а быту надо жертвовать, иначе он тебя сожрёт).

Она высунулась в форточку. На вид — девушка, которую

можно принять за старшеклассницу, если бы не глаза: слишком серьёзные и чуть навывкате, как у человека, привыкшего думать о вечном, о Боге, о свободе и о том, почему профессор Кротов носит один и тот же свитер три года подряд (Кукуша подозревала, что свитер — это тоже философский жест, но какой — она пока не расшифровала. «Может быть, — рассуждала она, — это такое “возвращение к вещам себе”, хайдеггеровская попытка уйти от навязанных смыслов. А может, он просто бедный, как и все мы»). В волосах торчала мандариновая корка (вчера она делала маску «для раскрытия биополя» по методике, найденной в запрещённом паблике, но это отдельная история, связанная с двумя бессонными часами и чтением отзывов на форуме экстрасенсов, где один человек написал: «Поле раскрылось, но соседи вызвали санитаров». Второй добавил: «Поле раскрылось, зато вакуумный пылесос сломался». Кукуша решила рискнуть).

— Дядя Гриша! — крикнула она ласково, перекрывая шум двигателя, который работал с таким надрывом, будто «Запорожец» пытался взлететь или хотя бы доползти до пенсии. — Вы просто неправильно мыслите. По Хайдеггеру, бытие-в-мире — это всегда забота. А забота, в свою очередь, требует не насилия над пространством, а диалога. Представьте, что вы не машину паркуете, а обнимаете пространство. Автомобиль любит ласку. Он чувствует ваше настроение. Если вы злитесь — он косячит. Если вы спокойны — он сам заезжает, куда надо.

Дядя Гриша, бывший шофёр бетономешалки, человек с лицом, которое видело и войну, и перестройку, и дефолт, и, кажется, даже изобретение колеса — настолько оно было морщинистым и выветренным, — поднял голову. Увидел торчащие во все стороны кудри (она не мыла их два дня — сэкономила силы на курс по «Философии цифрового одиночества», который читал приглашённый профессор из Питера, носивший чёрную водолазку и говоривший так тихо, что все засыпали, но просыпались от ощущения, что они бесконечно одиноки в холодной вселенной), мандариновую корку и глаза, которые смотрели на него с абсолютной, нечеловеческой верой в то, что «Запорожец» можно обнять. И что обнимание пространства — это не метафора, а метод.

Он вздохнул. Глубоко, по-мужски, всем своим существом, привыкшим к бетону, бензину и человеческой глупости. Вздохнул так, что стекла в «Запорожце» чуть не лопнули.

— Кукуша, — сказал он беззлобно, помедлив, — иди к бабке. А машину не трогай. Я сам как-нибудь. По-человечески.

— Вот именно! По-человечески! — обрадовалась Кукуша и захлопнула форточку так резко, что с подоконника слетела стопка книг: сборник Бродского упал на пол, раскрывшись на стихотворении «Ниоткуда с любовью», а «Котлован» Платонова приземлился прямо на Рыжую, которая спала на стуле. Кошка издала возмущённый звук, похожий на «мяу-фи-

лософствуй-здесь-знаешь», и перебралась на подушку, предварительно цапнув Кукушу за пятку. — По-человечески — это значит с любовью! С заботой! С вниманием к Другому! А Другой — это не только человек, но и машина, и клумба, и даже этот дурацкий фонарь, который вы, дядя Гриша, ненавидите, но он вас видит и хочет, чтобы вы его не сбивали!

Она на секунду замерла посреди комнаты, раскинув руки в стороны — плед сполз на пол, коала на футболке улыбалась, Рыжая с подушки смотрела на неё с выражением «выгоните эту идиотку, я хочу спать». Кукуша вспомнила Соловьёва: «Смысл любви — в оправдании и спасении индивидуальности через жертву эгоизма». Внезапно ей показалось, что дядя Гриша — это и есть та самая индивидуальность, которую нужно спасти от эгоизма парковки. А ещё — что мир вообще состоит из индивидуальностей, которые забыли, что они индивидуальности, и стали просто «автомобилистами» и «пенсионерами» и «студентами» и «кошками, которые спят на стульях и мешают читать Платонова».

— Так, — сказала она вслух, хлопая себя по щекам, чтобы проснуться окончательно. Хлопки были звонкими, Рыжая дёрнула ухом. — План. План, план, план. Сегодня — Круг. Всеобщее единение. Соборность в масштабе одного двора. Мандарины — куплены. Гирлянда — в сумке. Батареи — сели, но это не страшно, гирлянда мигает и без батареек, у меня там какой-то контакт замкнуло, и теперь она живёт своей жизнью. Осталось уговорить людей. Уговорить

людей быть счастливыми. Добровольно. Без насилия. Только с мандаринами и объятиями.

Она подошла к зеркалу — тому самому, в коридоре, с трещиной в правом верхнем углу. Трещина напоминала молнию, и Кукуша иногда представляла, что это не трещина, а разлом в реальности, через который видна альтернативная вселенная, где она уже защитила диссертацию и раздаёт счастье профессионально, с грантом от Министерства культуры. Но в альтернативной вселенной, наверное, тоже холодно, и батареи включают по графику дяди Гриши.

Посмотрела на своё отражение. На щеке — след от подушки (глубокий, как Байкальская впадина), волосы торчат во все стороны, глаза сонные, но уже горят. Она улыбнулась отражению. Отражение улыбнулось в ответ, но как-то скептически, будто говорило: «Ты спятила, Аглая, но мы это уже обсуждали. И вообще, у тебя из волоса торчит мандариновая корка, и это не “постмодернистский аксессуар”, а просто мусор».

— Ты справишься, Кукуша. Ты же философ. Ты знаешь, что счастье — это категория должного, а не сущего. Оно не существует в готовом виде. Его нужно производить. Как мандарины — их же кто-то вырастил, собрал, привёз, продал в ларьке у метро. Вот и счастье: его нужно вырастить, собрать и раздать. Ты — фермер счастья, Кукуша. Агроном всеобщей радости.

Она даже не поняла до конца, что сказала. Но звучало убе-

дительно. И главное — это была чистая правда. Счастье не существует само по себе, как не существует стул без сидящего на нём человека или стихотворение без читающего. Счастье нужно делать. И Кукуша собиралась делать его сегодня. С мандаринами, гирляндой и небольшим риском для психики окружающих.

Глава 2. Три важных дела (и одно лишнее)

Прежде чем выйти, Кукуша сделала три важных дела. Во-первых, она нашла второй носок (он был под батареей — видимо, сбежал от холода в поисках лучшей жизни, но не нашёл и вернулся, поджав хвост, как побитая собака). Во-вторых, она перечитала свою заметку в телефоне: *«Список для Круга: 1) мандарины (2 кг — это примерно 25-30 штук, хватит на всех, включая Мусю, если он будет хорошо себя вести), 2) гирлянда (проверить, не замкнёт ли её на мокрой земле — мало ли, Круг закончится фейерверком, но это будет не тот фейерверк, который нужен), 3) хорошие слова (заготовить для каждого — баба Зина, дядя Гриша, Валерий, девочки-студентки, Лена с ребёнком, кот Муся, спящий Артём), 4) план Б (если пойдёт не так) — обниматься без слов, 5) план В — если не пойдёт и план Б — громко спеть что-нибудь из Шостаковича, потому что музыка объединяет лучше слов, а Шостакович объединяет даже тех, кто его ненавидит, потому что они согласны в одном: это сложно. 6) план Г — если не поможет и план В — заплакать. На глазах у всех. Искренние слёзы тоже объединяют. По Хайдеггеру, Angst —

это путь к подлинности. А слёзы — это Angst в действии»*. В-третьих, она надела длинное вязаное платье, похожее на растянутое облако.

Бабушка связала его прошлой зимой, когда Кукуша объяснила ей теорию «тёплого поля». Теория заключалась в следующем: чем больше человек укутан в связанную с любовью шерсть, тем шире его поле доброты. Бабушка тогда долго смеялась, сказала «ох уж эти мне студенты, вечно им какое-то поле нужно, вот у нас в колхозе были поля, так там картошку сажали, а не доброту», но платье связала. И носки. И шарф длиной в четыре метра, который Кукуша использовала вместо пледа на случай, если замерзнут колени. Бабушка умерла прошлым летом, и теперь Кукуша носила эти вещи как память. В платье пахло старым шкафом, нафталином и чем-то ещё, что Кукуша называла «запахом прощения». Настя говорила, что это запах нафталина и кошек. Кукуша не спорила. Она вообще редко спорила о запахах.

Лишнее дело случилось само собой. Когда Кукуша уже выходила из комнаты, на подоконнике зазвонил телефон. Звонила мама. Кукуша замерла. Мама звонила по воскресеньям ровно в десять утра. Это был ритуал, не менее священный, чем Круг. Мама работала бухгалтером в Рязани, папа умер, когда Кукуше было тринадцать, и с тех пор мама разговаривала с дочерью так, будто каждое воскресенье могло стать последним. Или будто Москва — это зона военных действий, где студентку философского могут съесть

в любой момент, и не столько голодные собаки, сколько голодные смыслы.

— Алё, мам.

— Аглая, ты надела шапку? В Москве холодно, я смотрела погоду. Минус двенадцать и ветер. Ветер северный, он пронизывает до костей. Я на работе у нас в бухгалтерии сидела и думала: у неё же шапки нет нормальной, она в той вязаной ходит, которую я ей в прошлом году купила на рынке. А там подкладка синтетическая, она не греет.

— Надела, мам. — Кукуша соврала. Шапка лежала в сумке, потому что она хотела надеть шапку-помпон, связанную Настей, но забыла. — Надела тёплую. С подкладкой.

— И штаны? Не ходи в платье, у тебя ноги замёрзнут. У тебя же колени слабые, как у отца. Он тоже в молодости в одном пиджаке зимой ходил, а потом лечился три года.

— Мам, у меня есть тёплые колготки. Две пары. И бабушкино платье. Оно греет лучше любой куртки. Я проверяла.

— Бабушкино платье греет душу, а не ноги, — строго сказала мама. — Ты ешь? Не забываешь? Стипендия-то маленькая. Я тебе переведу, как обычно, в понедельник, но ты не трать на ерунду. На фрукты эти ваши... мандарины. Купи

нормальной еды. Гречки. Мяса.

— Мам, я студентка философского, мы едим идеи. Но мандарины тоже ем. В них витамин С. А витамин С помогает думать. Я думаю лучше, когда у меня во рту мандарин.

— О господи, — вздохнула мама. — Хоть картошку ешь. Картошка — это настоящая еда. А мандарины — это так, баловство.

Мама вздохнула. Она так и не смирилась с тем, что дочь выбрала философию вместо экономики. «На кого ты учишься, Аглая? Кем ты будешь работать? Профессором? А кто кормить будет? Мандарины?» Кукуша каждый раз отвечала, что счастье не едят, но маму это не убеждало.

— Мам, я сегодня делаю Круг.

— Опять? — Мама помолчала. — В прошлый раз ты делала Круг в общежитии, и твою гирлянду украли. И соседка снизу жаловалась коменданту, что ты топаешь и орёшь «Ты — человек, и я тебя вижу!».

— Её не украли, её взяли во временное пользование без спроса. А потом вернули. С запиской «Извините, у нас был день рождения, и мы хотели немного счастья». И гирлянда вернулась. С новыми лампочками. И записка была милой.

— И ты простила?

— Конечно. По Соловьёву, прощение — это высшая форма любви. А любовь — это когда ты не требуешь возврата гирлянды, а радуешься, что у людей был праздник. Даже если они взяли твою гирлянду без спроса. Это их маленькая соборность.

— Аглая, — мама снова вздохнула, — Соловьёв твой умер в 1900 году. А гирлянду можно купить новую за пятьсот рублей. Не надо путать.

— Мам, философия не про деньги. Философия про смысл.

— А стипендия? — уточнила мама. — Она тоже про смысл?

— Стипендия — про необходимость. А смысл — про мандарины.

Мама снова вздохнула. Но голос её стал мягче.

— Ладно. Только будь осторожна. И не раздавай всё мандарины, оставь себе. Ты худая, как щепка. Я на том фото, что ты прислала, у тебя рёбра видно. Ешь, Аглая. Ешь, пожалуйста. Я переживаю.

— Мам, я худая, потому что много думаю. Думание сжигает калории. Поэкспериментировать бы, но я пока не нашла грант на исследования “Интеллектуальная активность и метаболизм”.

— О господи, — сказала мама и повесила трубку. Но перед этим успела крикнуть: «Я люблю тебя, дурочка! Не умирай с голоду, ты мне нужна живая! И не дай себя украсть! В Москве всякие есть!»

Кукуша постояла с телефоном в руке, улыбаясь. Потом убрала его в карман платья и вышла в коридор. На душе было тепло, несмотря на то, что батареи не работали. И даже несмотря на то, что мама сказала «дурочка» — а это, как знала Кукуша, означало «я тобой горжусь, но боюсь это сказать прямо, потому что тогда придётся признать, что философия — это не совсем бессмыслица, а я всю жизнь проработала бухгалтером и не могу в этом признаться даже себе».

Глава 3. Дорога во двор (с остановкой у Насти)

Коридор общежития пах кашей из столовой и дешёвым стиральным порошком. Из комнаты напротив доносилась музыка — кто-то слушал «Короля и Шута». Кукуша постучала. Дверь была приоткрыта, и внутрь вела дорожка из книг по истории древнего мира. Настя училась на истфаке, и её комната напоминала археологический раскоп: слои книг, слои конспектов, слои пустых чашек из-под кофе и на самом дне — сама Настя, заспанная и добрая.

— Настя, я во двор. Если меня не будет до вечера, покорми Рыжую. Корм в тумбочке, в красном пакете. Не в синем — в синем мои конспекты по феноменологии, я их случайно в пакет положила. И не давай ей мандарины — у неё от них изжога. Рыжая, а не ты.

Дверь приоткрылась шире, и показалась заспанная голова Насти — однокурсницы с истфака, единственной, кто понимал Кукушину философию хотя бы наполовину. Вторая половина оставалась для Насти загадкой, и она предпочитала не лезть, как в древний текст на неизвестном языке — страшно, но интересно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.